

АНТОН БАТАГОВ
ОПТИЧЕСКИЙ ОБМАН

FANCYMUSIC

Антон Батагов

Оптический обман

Александр Пушкин / Даниил Хармс

Александр Коренков вокал, акустическая гитара [3, 9]

Ася Соршнева скрипка, электроника

Сергей Калачев “Grebstel” бас-гитара, электроника

Владимир Жарко барабаны

Антон Батагов рояль, электроника [1, 8, 11], голос [6, 8]

1. Пушкин / Хармс. Два поэта	05:03
2. Пушкин. Послание в Сибирь	07:17
3. Хармс. Неизвестной Наташе	06:35
4. Пушкин. Бесы	08:14
5. Хармс. Миллион	05:47
6. Пушкин / Хармс. Оптический обман	11:51
7. Пушкин. Зимний вечер	07:01
8. Хармс. Математик и Андрей Семёнович	05:40
9. Пушкин. Мой талисман	06:55
10. Хармс. Шарики	06:37
11. Пушкин. Элегия	08:03

Общее время: 79:03

—

Музыка: Антон Батагов, 2020

Запись: Руслан Зайпольд, Студия Cinelab SoundMix, ноябрь 2020

Монтаж, сведение, мастеринг: Руслан Зайпольд, декабрь 2020 – май 2021

Продюсеры: Антон Батагов и Сергей Красин

Фотография на обложке: Алиса Наремонтти

Фотографии в буклете: Алекс Йоку

Дизайн: Сергей Красин

Спасибо: Мартин Кук

Я написал “Оптический обман” в марте 2020 года – в период карантина, когда все люди искусства вдруг оказались в ситуации “болдинской осени”. Как и большинство моих вещей, эта музыка уходит корнями в разные стили и жанры разных времен, и всё это объединено минималистскими традициями. Этот цикл песен – продолжение моего сотрудничества с известными и уникальными кросс-жанровыми музыкантами, каждый из которых – единственный в своем роде.

Итак, путешествие длиною в 1 час 20 минут в Петербург-Ленинград, где два поэта – Александр Пушкин и Даниил Хармс – жили, работали и умерли. И тот, и другой хорошо знали, что такое цензура и взаимоотношения с государственной машиной репрессий. В “Оптическом обмане” эти два гениальных человека, между которыми 100 лет, пишут один и тот же текст, пользуясь одной и той же навигацией, ведущей сквозь сансару к свободе. В сансаре – как известно, “труд и горе”, и жизнь длится всего 37 лет. А свобода – это такое место, куда закрыт вход Бенкендорфу и цензорам Детиздата. Там Чайковский слушает БГ, Шостакович играет на клавишах в поп-механике, а Семён Семёнович, сняв очки, смотрит на сосну – и в этот самый момент достигает просветления.

Антон Батагов

Два поэта

Пушкин, 1832-35 / Хармс, 1937-38

Милостивый государь Александр Христофорович,

Обращаюсь к Вашему сиятельству с жалобой и покорнейшею просьбою.

По случаю затруднения цензуры в пропуске издания одного из моих стихотворений принужден я был во время Вашего отсутствия обратиться в Цензурный комитет с просьбой о разрешении встретившегося недоразумения. Но Комитет не удостоил просьбу мою ответом. Не знаю, чем мог я заслужить таковое небрежение — но ни один из русских писателей не притеснен более моего. Жалобы мои оставлены без внимания.

Ваше высокопревосходительство изволили требовать от меня объяснения, каким образом стихотворение мое было напечатано в альманахе без предварительного рассмотрения государя императора: спешу ответить на запрос Вашего высокопревосходительства. Осмеливаюсь просить Вас назначить час, когда мне можно будет явиться.

Александр Пушкин

В Детиздате придрались к каким-то моим стихам и начали меня травить. Меня прекратили печатать. Мне не выплачивают деньги, мотивируя какими-то случайными задержками. Я чувствую, что там происходит что-то тайное, злое. Нам нечего есть. Сейчас иду в Детиздат, чтобы получить отказ.

Я был наиболее счастлив, когда у меня отняли перо и бумагу и запретили что-либо делать. У меня не было тревоги, что я не делаю чего-то по своей вине. Совесть была спокойна. Это было, когда я сидел в тюрьме. Но если бы меня спросили, не хочу ли я опять туда или в положение, подобное тюрьме, я сказал бы: нет, не хочу. Человек видит в своем деле спасение, и потому он должен постоянно заниматься своим делом, чтобы быть счастливым.

Цель всякой человеческой жизни одна: бессмертие.

Всё земное свидетельствует о смерти.

Есть одна прямая линия, на которой лежит всё земное.

И только то, что не лежит на этой линии, может свидетельствовать о бессмертии.

Даниил Хармс

Послание в Сибирь

Пушкин, 1827

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора.

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Неизвестной Наташе

Хармс, 1935

Скрепив очки простой веревкой, седой старик читает книгу.
Горит свеча, и мглистый воздух в страницах ветром шелестит.
Старик, вздыхая, гладит волос и хлеба черствую ковригу
Грызет зубов былых остатком и громко челюстью хрустит.

Уже заря снимает звезды и фонари на Невском тушит,
Уже кондукторша в трамвае бранится с пьяным в пятый раз,
Уже проснулся невский кашель и старика за горло душит,
А я пишу стихи Наташе и не смыкаю светлых глаз.

Бесы

Пушкин, 1830

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

Миллион

Хармс, 1930

Шел по улице отряд –
сорок мальчиков подряд:
раз, два,
три, четыре,
и четырежды четыре,
и четыре на четыре,
и еще потом четыре.

В переулке шел отряд –
сорок девочек подряд:
раз, два,
три, четыре,
и четырежды четыре,
и четыре на четыре,
и еще потом четыре.

Да как встретились вдруг –
стало восемьдесят вдруг!
Раз, два,
три, четыре,
и четыре на четыре,
на четырнадцать четыре,
и еще потом четыре.

А на площадь повернули,
а на площади стоит
не компания,
не рота,
не толпа,
не батальон,
и не сорок,
и не сотня,
а почти что
МИЛЛИОН!

Раз, два, три, четыре,
и четырежды четыре,
сто четыре на четыре,
полтора на четыре,
двести тысяч на четыре!
И еще потом четыре!

Оптический обман

Пушкин, 1835 / Хармс, 1934

Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью в дороге он будил меня вопросом: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! Как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?»

Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл.

«Я об этом думал», — отвечал мне Дуров.

«Ну что ж?» — «Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть».

Семён Семёнович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

«Ну, так украдьте полковую казну». — «Я об этом думал». — «Что же?» — «Это можно сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что делать; в двух или трех верстах можно будет разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства.»

Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

«Не знаете ли вы иного способа?» — «Просите денег у государя». — «Я об этом думал». — «Что же?» — «Я

даже и просил». — «Как! безо всякого права?» — «Я с того и начал: ваше величество! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастье моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее». — «Что же вам отвечали?» — «Ничего».

Семён Семёнович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

«Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду». — «Я об этом думал». — «Что ж, за чем дело стало?» — «Да видите ли: один способ выманить у Ротшильда сто тысяч было бы так странно и так забавно написать ему просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей!..»

Семён Семёнович, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Словом, нельзя было придумать несообразности и нелепости, о которой бы Дуров уже не подумал. Последний прожект его был выманить эти деньги у англичан, Он хотел обратиться к ним с следующим speech: «Гг. англичане! я бился об заклад об 10 000 рублей, что вы не откажетесь мне дать взаймы 100 000. Гг. англичане! избавьте меня от проигрыша, на который навязался я в надежде на ваше всему свету известное великодушие».

Семён Семёнович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

Недавно получил я от него письмо; он пишет мне: «История моя коротка: я женился, а денег все нет». Я отвечал ему: «Жалею, что из 100 000 способов достать 100 000 рублей ни один еще, видно, вам не удался».

Зимний вечер

Пушкин, 1825

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшالой
Вдруг соломой зашуршит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Математик и Андрей Семёнович

Хармс, 1933

МАТЕМАТИК (вынимая из головы шар):

Я вынул из головы шар. Я вынул из головы шар.

Я вынул из головы шар. Я вынул из головы шар.

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Положь его обратно. Положь его обратно.

Положь его обратно. Положь его обратно.

МАТЕМАТИК:

Нет, не положу! Нет, не положу!

Нет, не положу! Нет, не положу!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Ну и не клади. Ну и не клади.

Ну и не клади. Ну и не клади.

МАТЕМАТИК:

Вот и не положу! Вот и не положу!

Вот и не положу! Вот и не положу!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Ну и ладно. Ну и ладно.

Ну и ладно. Ну и ладно.

МАТЕМАТИК:

Вот я и победил! Вот я и победил!

Вот я и победил! Вот я и победил!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Ну победил и успокойся! Ну победил и успокойся!

Ну победил и успокойся! Ну победил и успокойся!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Нет, не успокоюсь! Нет, не успокоюсь!

Нет, не успокоюсь! Нет, не успокоюсь!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Хоть ты математик, а честное слово, ты не умен.

Хоть ты математик, а честное слово, ты не умен.

МАТЕМАТИК:

Нет, умен и знаю очень много! Нет, умен и знаю очень много!

Нет, умен и знаю очень много! Нет, умен и знаю очень много!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Много, да только всё ерунду. Много, да только всё ерунду.

Много, да только всё ерунду. Много, да только всё ерунду.

МАТЕМАТИК:

Нет, не ерунду! Нет, не ерунду!

Нет, не ерунду! Нет, не ерунду!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Надоело мне с тобой препираться. Надоело мне с тобой препираться.

Надоело мне с тобой препираться. Надоело мне с тобой препираться.

МАТЕМАТИК:

Нет, не надоело! Нет, не надоело!

Нет, не надоело! Нет, не надоело!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ досадливо машет рукой и уходит.

МАТЕМАТИК, постояв минуту, уходит вслед за Андреем Семеновичем.

(Занавес)

Мой талисман

Пушкин, 1827

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи, —
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

Шарики

Хармс, 1933

Летят по небу шарики,
летят они, летят,
летят по небу шарики,
блестят и шелестят.

Летят по небу шарики,
а люди машут им,
летят по небу шарики,
а люди машут им.

Летят по небу шарики,
а люди машут шапками,
летят по небу шарики,
а люди машут палками.

Летят по небу шарики,
а люди машут булками,
летят по небу шарики,
а люди машут кошками.

Летят по небу шарики,
а люди машут стульями,
летят по небу шарики,
а люди машут лампами.

Летят по небу шарики,
а люди все стоят,
летят по небу шарики,
блестят и шелестят.

А люди тоже шелестят.

Элегия

Пушкин, 1830

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Anton Batagov

Optical Illusion

Alexander Pushkin / Daniil Kharms

Alexander Korenkov vocals, acoustic guitar [3, 9]

Asya Sorshneva violin, electronics

Sergey Kalachev “Grebstel” bass guitar, electronics

Vladimir Zharko drums

Anton Batagov piano, electronics [1, 8, 11], voice [6, 8]

1. Pushkin / Kharms. Two Poets	05:03
2. Pushkin. A Message to Siberia	07:17
3. Kharms. To Anonymous Natasha	06:35
4. Pushkin. Devils	08:14
5. Kharms. Million	05:47
6. Pushkin / Kharms. Optical Illusion	11:51
7. Pushkin. Winter Evening	07:01
8. Kharms. The Mathematician and Andrey Semyonovich	05:40
9. Pushkin. My Talisman	06:55
10. Kharms. Balloons	06:37
11. Pushkin. Elegy	08:03

Total time: 79:03

—

Composed by: Anton Batagov, 2020

Recorded by: Ruslan Zaipold, Cinelab SoundMix Studio, November 2020

Edited, mixed and mastered by: Ruslan Zaipold, December 2020 – May 2021

Produced by: Anton Batagov and Sergey Krasin

Cover photo by: Alisa Naremontti

Liner photos by: Alex Yocu

Design by: Sergey Krasin

Translated by: Max Eastman, Genia Gurarie, Walter Arndt, Yevgeny Bonver, Babette Deutsch, Anton Batagov

Special thanks to: Martin Cooke

Optical Illusion is a journey to St.Petersburg/Leningrad, a city where two great Russian poets, Alexander Pushkin and Daniil Kharms, lived, worked and died. Both of them were censored and persecuted by the repression machine. In *Optical Illusion* these two geniuses separated by a century are writing one and the same text and using the same navigation that leads them through samsara to freedom. In samsara, both of them had short lives limited to 37 years. The entrance to freedom is closed to their censors and torturers. Freedom is a place where Tchaikovsky listens to BG (a Russian iconic rock star), Shostakovich plays keyboards in a band, and Semyon Semyonovich from Kharms' poem looks at the pine tree with his glasses on, and at this very moment he attains enlightenment.

Anton Batagov

Alexander Pushkin (1799 – 1837) was a Russian poet, playwright, and novelist. He is considered to be the greatest Russian poet of all times and the founder of modern Russian literature. Pushkin was committed to social reform and emerged as a spokesman for literary radicals. That angered the czar and led to Pushkin's transfer from the capital: he was sent into exile. He was later pardoned but continued to live under the czar's close scrutiny. In early 1837 Pushkin was fatally wounded in a duel.

Daniil Kharms (1905 – 1942) was a Soviet avant-gardist and absurdist poet, writer and dramatist. In 1931 he was arrested as a member of "a group of anti-Soviet writers" and exiled. Kharms continued to write for children's magazines when he returned from exile. His plans for more performances and plays were curtailed, and Kharms receded into a mostly private writing life. In 1941 he was arrested again. To avoid execution, he simulated insanity. The military tribunal ordered him to be kept in the psychiatric ward of the 'Kresty' prison where he died of starvation in 1942.

Two Poets

Pushkin, 1832-35 / Kharms, 1937-38

Dear Sir Alexander Khristoforovitch,

The reason why I am writing to you is a complaint and a kind request.

I had to contact the censorship department while you were away because of the problem that had happened with publication of one of my poems. I asked them to solve the above-mentioned misunderstanding. Unfortunately my request was ignored. I don't know what I have done to deserve this kind of neglect – but none of the Russian writers has been experiencing such a strong oppression as I have.

Your excellency has demanded an explanation from me: why my poem was published in the magazine without His Majesty the Emperor's examination and approval. I am hurrying to answer your excellency's request. May I dare ask you to set a time for my appointment.

Alexander Pushkin

At Detizdat [the Soviet state publisher of children's books] they have taken exception to some verses of mine and started persecuting me. I can no longer get published. They're not paying me money, which they justify with reference to some sort of incidental delays. I sense that something secret, evil is going on. We don't have anything to eat. Now I am going to visit Detizdat and I'm sure I will get a rejection.

I was most happy when pen and paper were taken from me and I was forbidden from doing anything. I had no anxiety about doing nothing by my own fault, my conscience was clear, and I was happy. This was when I was in prison. However if you ask me if I want to get back to prison or to a place that is like prison I will say: No, I don't want. Work is our salvation, so we must keep working to be happy.

There is one purpose to every human life: immortality.

All that is earthly is a confirmation of death.

There is one straight line upon which all that is earthly lies.

And only that which is not plotted on this axis may serve as confirmation of immortality.

Daniil Kharms

A Message to Siberia

Pushkin, 1827

Deep in the Siberian mine,
Keep your patience proud;
The bitter toil shall not be lost,
The rebel thought unbowed.

The sister of misfortune, Hope,
In the under-darkness dumb
Speaks joyful courage to your heart:
The day desired will come.

And love and friendship pour to you
Across the darkened doors,
Even as round your galley-beds
The voice of freedom pours.

The heavy-hanging chains will fall,
The walls will crumble at a word;
And Freedom greets you in the light,
And brothers give you back the sword.

To Anonymous Natasha

Khams, 1935

A gray haired man enjoys his reading. His glass frame fixed with piece of rope.
The candle is burning. Air is hazy. It fills his book with rustling breeze.
The old man sighs and strokes his hair and gnaws stale loaf with no hope.
He moves his jaw with clicking sound. He chews with few remaining teeth.

The dawn removes the stars from heavens, turns off the lights on Nevsky prospect.
A tram conductor keeps attempting to charge a drunk man for his ride.
A Northern cough has woken up and wants to get the old man throttled.
I'm writing verses for Natasha. My eyes stay open through the night.

Devils

Pushkin, 1830

Storm-clouds hurtle, storm-clouds hover;
Flying snow is set alight
By the moon whose form they cover;
Blurred the heavens, blurred the night.

On and on our coach advances,
Little bell goes din-din-din...
Round are vast, unknown expanses;
Terror, terror is within.

- Faster, coachman! "Can't, sir, sorry:
Horses, sir, are nearly dead.
I am blinded, all is blurry,
All snowed up; can't see ahead.

Sir, I tell you on the level:
We have strayed, we've lost the trail.
What can we do, when a devil
Drives us, whirls us round the vale?

There, look, there he's playing, jolly!
Huffing, puffing in my course;
There, you see, into the gully
Pushing the hysteric horse;

Now in front of me his figure
Looms up as a queer mile-mark -
Coming closer, growing bigger,
Sparking, melting in the dark."

Storm-clouds hurtle, storm-clouds hover;
Flying snow is set alight
By the moon whose form they cover;
Blurred the heavens, blurred the night.

We can't whirl so any longer!
Suddenly, the bell has ceased,
Horses halted... - Hey, what's wrong there?
"Who can tell! - a stump? a beast?.."

Blizzard's raging, blizzard's crying,
Horses panting, seized by fear;
Far away his shape is flying;
Still in haze the eyeballs glare;

Horses pull us back in motion,
Little bell goes din-din-din...
I behold a strange commotion:
Evil spirits gather in –

Sundry, ugly devils, whirling
In the moonlight's milky haze:
Swaying, flittering and swirling
Like the leaves in autumn days...

What a crowd! Where are they carried?
What's the plaintive song I hear?
Is a goblin being buried,
Or a sorceress married there?

Storm-clouds hurtle, storm-clouds hover;
Flying snow is set alight
By the moon whose form they cover;
Blurred the heavens, blurred the night.

Swarms of devils come to rally,
Hurtle in the boundless height;
Howling fills the whitening valley,
Plaintive screeching rends my heart...

Million

Kharms, 1930

Unit marched across the street.
Forty boys are on their feet:
One
Two
Three
Four
And four times four
And four by four
And plus another four.

Unit marched across the place.
Forty girls are keeping pace.
One
Two
Three
Four
And four times four
And four by four
And plus another four.

And then they met suddenly!
There were eighty suddenly!
One
Two
Three
Four,
And four by four,
By fourteen four
And plus another four.

And then they turned onto a square.
Who's already standing there?
Not a group,
Not a company,
Not a crowd,
Not a battalion,
More than forty,
More than hundred,
But about a MILLION!

One, two, three, four,
And four times four
A hundred and four by four,
A hundred and a half by four,
Two hundred thousand by four,
And plus another four!

Optical Illusion

Pushkin, 1835 / Kharms, 1934

Durov had a monomania: he absolutely had to have one hundred thousand rubles. He had thought up and rethought all possible ways of getting it. Sometimes on the road at night he would wake me up with a question: "Alexander Sergeevich! Alexander Sergeevich! How do you think I could get one hundred thousand?"

Semyon Semyonovich, with his glasses on, looks at the pine tree and sees: in the pine tree sits a mouzhick [fellow] showing him his fist.

Once I told him that if I were in his place and one hundred thousand was essential for my tranquility and well-being, I would steal it. "I've thought of that," Durov answered me – "Well, what then?" – "Simple – you can't find one hundred thousand in every man's pocket, and I don't want to knife or rob a man for a trifle – I have a conscience."

Semyon Semyonovich, with his glasses off, looks at the pine tree and sees that there is no one sitting in the pine tree.

"Well, steal a regimental payroll." – "I've thought of that." – "What?" – "It could be done in the summer when the regiment is in camp and the wagon with the payroll stands by the regimental commander's quarters. You could throw a long rope over the wagon tongue and hitch a horse to it from a distance and then gallop off on it; seeing the wagon galloping without horses the sentry would probably be frightened and not know what to do; two or three versts away you could break open the wagon and escape with the payroll. But there are a lot of obstacles in this, too."

Semyon Semyonovich, with his glasses on, looks at the pine tree and again sees that in the pine tree sits a mouzhick showing him his fist.

Don't you know any other way?" – "Ask the sovereign for the money." – "I've thought of that." – "Well?" – "I even asked." – "What? Without any right?" – "That's what I began with: your majesty! I have no right to ask you for what would make the happiness of my life; but, your majesty, there is no model for charity, and so forth." – "What did he answer?" – "Nothing."

Semyon Semyonovich, with his glasses off, again sees that there is no one sitting in the pine tree.

"That's surprising. You should turn to Rothschild." – "I've thought of that." – "Well, how did that plan go?" – "Well, do you see, one way for enticing Rothschild to give one hundred thousand was to write him such a weird and amusing request that afterward he would be happy to listen to an anecdote which cost one hundred thousand. But so many difficulties..."

Semyon Semyonovich, with his glasses on again, looks at the pine tree and again sees that in the pine tree sits a mouzhick showing him his fist.

In a word, it was impossible to imagine a nonsense and absurdity which Durov hadn't already thought of. His last project was to get the money from the Englishmen. He prepared the following speech to address the gathering: "Dear Englishmen, I've bet ten thousand rubles that you will not refuse to lend me one hundred thousand. Dear Englishmen, please help me to avoid a loss I have doomed myself to in hope of your world famous generosity."

Semyon Semyonovich doesn't wish to believe in this phenomenon and considers this phenomenon an optical illusion.

Recently I received a letter from him. He writes: "My story is short. I got married, and I still have no money." I answered: "I regret that none of one hundred thousand ways to get one hundred thousand rubles has seemed to work for you."

Winter Evening

Pushkin, 1825

Storm has set the heavens scowling,
Whirling gusty blizzards wild,
Now they are like beasts a-growling,
Now a-wailing like a child;

Now along the brittle thatches
They will scud with rustling sound,
Now against the window latches
Like belated wanderers pound.

Our frail hut is glum and sullen,
Dim with twilight and with care.
Why, dear granny, have you fallen
Silent by the window there?

Has the gale's insistent prodding
Made your drowsing senses numb,
Are you lulled to gentle nodding
By the whirling spindle's hum?

Let us drink for grief, let's drown it,
Comrade of my wretched youth,
Where's the jar? Pour out and down it,
Wine will make us less uncouth.

Sing me of the tomtit hatching
Safe beyond the ocean blue,
Sing about the maiden fetching
Water at the morning dew.

Storm has set the heavens scowling,
Whirling gusty blizzards wild,
Now they sound like beasts a-growling,
Now a-wailing like a child.

Let us drink for grief, let's drown it,
Comrade of my wretched youth,
Where's the jar? Pour out and down it,
Wine will make us less uncouth.

The Mathematician and Andrey Semyonovich

Khams, 1933

MATHEMATICIAN (Pulling a sphere out of his head):

I've pulled a sphere out of my head. I've pulled a sphere out of my head.

I've pulled a sphere out of my head. I've pulled a sphere out of my head.

ANDREY SEMYONOVICH:

Put it back. Put it back.

Put it back. Put it back.

MATHEMATICIAN:

No, I won't! No, I won't!

No, I won't! No, I won't!

ANDREY SEMYONOVICH:

Well, don't do it then. Well, don't do it then.

Well, don't do it then. Well, don't do it then.

MATHEMATICIAN:

So I won't do it! So I won't do it!

So I won't do it! So I won't do it!

ANDREY SEMYONOVICH:

Well, that's okay. Well, that's okay.

Well, that's okay. Well, that's okay.

MATHEMATICIAN:

So, I won! So, I won!

So, I won! So, I won!

ANDREY SEMYONOVICH:

All right, you won, so now calm down! All right, you won, so now calm down!

All right, you won, so now calm down! All right, you won, so now calm down!

MATHEMATICIAN:

No, I won't calm down! No, I won't calm down!

No, I won't calm down! No, I won't calm down!

ANDREY SEMYONOVICH:

You may be a mathematician but, frankly speaking, you're not very clever.

You may be a mathematician but, frankly speaking, you're not very clever.

MATHEMATICIAN:

No, I'm clever and I know a lot! No, I'm clever and I know a lot!

No, I'm clever and I know a lot! No, I'm clever and I know a lot!

ANDREY SEMYONOVICH:

A lot, but it's all rubbish. A lot, but it's all rubbish.

A lot, but it's all rubbish. A lot, but it's all rubbish.

MATHEMATICIAN:

No, it's not rubbish! No, it's not rubbish!

No, it's not rubbish! No, it's not rubbish!

ANDREY SEMYONOVICH:

I'm fed up with arguing with you! I'm fed up with arguing with you!

I'm fed up with arguing with you! I'm fed up with arguing with you!

MATHEMATICIAN:

No, I'm not fed up! No, I'm not fed up!

No, I'm not fed up! No, I'm not fed up!

ANDREY SEMYONOVICH waves his hand in annoyance and walks away. MATHEMATICIAN remains standing for a minute, then walks away after ANDREY SEMYONOVICH.

(Curtain)

My Talisman

Pushkin, 1827

My talisman, please be my guard
In days of strongest agitation,
Of prosecution, lamentation:
The day you came to me was hard.

And when the ocean will ride
Around me the waves of ire,
When clouds will be set on fire,
My talisman, please be my guard.

In life with homeland apart,
In peaceful being's boring rattle,
In trouble of a fiery battle,
My talisman, please be my guard.

Illusion, sanctified and bright,
My soul's light and consolation
It chanced to be adulteration --
My talisman, please be my guard.

So let my poor wounded heart
Not be disturbed by recollection,
Farewell my hope, sleep attraction,
My talisman, please be my guard.

Balloons

Kharms, 1933

Balloons are flying through the sky,
Flying, flying, flying.

Balloons are flying through the sky,
Glittering and rustling.

Balloons are flying through the sky.
People wave to them.

Balloons are flying through the sky.
People wave to them.

Balloons are flying through the sky.
People wave their hats.

Balloons are flying through the sky.
People wave their sticks.

Balloons are flying through the sky.
People wave their buns.

Balloons are flying through the sky.
People wave their cats.

Balloons are flying through the sky.
People wave their chairs.

Balloons are flying through the sky.
People wave their lamps.

Balloons are flying through the sky.
People are standing still.

Balloons are flying through the sky,
Glittering and rustling.

And people are rustling, too.

Elegy

Pushkin, 1830

The mirth, now dead, that once was madly bubbling,
Like fumes of last night's cups, is vaguely troubling;
Not so the griefs that to those years belong:
Like wine, I find, with age they grow more strong.
My path is bleak — before me stretch my morrows:
A tossing sea, foreboding toil and sorrows.

And yet I do not wish to die, be sure;
I want to live — think, suffer, and endure;
And I shall know some savor of elation
Amidst the cares, the woe, and the vexation:
At times I shall be drunk on music still,
Or at a moving tale my eyes will fill,
And, as sad dusk folds down about my story,
Love's farewell smile may shed a parting glory.

Executive producer: Sergey Krasin

FANCY178

© 2021 FANCYMUSIC
© 2021 FANCYMUSIC

fancymusic.ru